

Перевод с английского: Адис

Редактирование: Ruthless Anna

Отдельная благодарность: Аня-Кошка, Vannika и другие

Поздно ночью, когда всё вокруг меня погружается в тишину, я опускаюсь на стул и закрываю глаза.

Сцена, неизменно всплывающая из глубин моего сознания, надолго впечатанная в мой разум, всегда одинакова.

В темноте позади храма над алтарём полыхает пламя. Его вспыхивающие искры, схожие с оранжевыми снежинками, прерывают звук пения, исходящий из-под земли.

Каждый раз я задаюсь вопросом: почему именно эта сцена?

С той ночи, когда мне было двенадцать, прошло двадцать три года. За это время много чего произошло. {Случаи бывали более грустные и пугающие, чем я могла бы представить.} Они бы уничтожили всё, во что я верила до тех пор.

Но почему даже сейчас именно эта ночь первая вспоминается мне?

Неужели влияние гипноза настолько сильно?

Иногда я всё ещё чувствую, что {не полностью очнулась} после промывания мозгов.

Мои причины для записей этой цепочки обстоятельств, приведших к событиям тех дней, перечислены далее.

Многие вещи обратились пылью, и с того дня минуло уже десять лет.

Десятилетний промежуток не много значит в великой схеме мира. Но проблемы накапливались, и, по иронии судьбы, когда был утверждён новый приказ, начали всплывать сомнения в будущем. В то время я начала тратить некоторое время, изучая историю, и я поняла, что люди, не важно, сколько слёз они проливали ради того, чтобы усвоить урок, забывали об этом, когда их слёзы высыхали. Такие уж мы существа.

Конечно же, никто не забудет обещания, что неопишуемая трагедия, произошедшая в тот день, не повторится. Я хочу верить в это.

Но может быть однажды, в будущем, когда воспоминания людей сотрутся, по своей глупости мы вновь повторим свою ошибку? Я не могу избавиться от этого страха.

Из-за этого я внезапно решила всё записать, но вновь изумилась. Казалось, мои воспоминания были изъедены молью, делая меня неспособной вспомнить суть важных деталей.

Я сверялась с людьми, пребывавшими тут в то время, поскольку мы склонны искажать детали, не укладывающиеся в памяти, но с удивлением выяснила, что наши воспоминания противоречиво разнились.

Например, во время встречи с Псевдобелорогом в горах Цукубы на мне были красные солнечные очки. Я помню этот ясный, как день, факт, но Сатору по какой-то причине уверен, что я не носила тогда никаких очков. И это ещё не всё — Сатору также намекнул, что именно

он обнаружил Псевдобелорога. Конечно, глупо даже полагать, что это действительно было так.

Уняв свою гордость, я стала опрашивать всех, кого смогла вспомнить, и пришла к нескольким ещё более противоречивым выводам. В это же время непостижимая реальность настигла меня — не существовало ещё человека, кто не искажил бы воспоминания, чтобы скрыть свои ошибки.

Насмехаясь над жалостливой глупостью людей и записывая моё новое открытие, я вдруг осознала, что не имею оснований не сказать того же о себе. С точки зрения других, несомненно, воспоминания, которые я записываю, кажутся изменёнными так, чтобы представить меня в лучшем свете.

Поэтому я хотела бы сказать, что эта история рассказана с моей точки зрения, и потому она может быть недостоверна из-за моего самооправдания. Мотивацией для него может служить, прежде всего, количество смертей, случившихся по причине наших действий, однако неосознанно они уже искажены.

Сказав это, я попытаюсь вспомнить всё как можно более безошибочно, потому что хочу считаться с фактами и реалистично изобразить произошедшее. Помимо этого я хочу воссоздать стиль старых историй в надежде на воскрешение моих мыслей и чувств в то время.

Этот проект написан невидимыми чернилами на так называемой неокисляемой бумаге, которая может храниться тысячелетия. Когда он будет доделан, я никому не покажу его (кроме, быть может, Сатору, и спрошу его мнение), помещу его во временную капсулу и зарюю глубоко в землю.

Так же я сделаю две или, в общей сложности, три копии и оставлю их. Если однажды в будущем вернутся старые порядки, или что-то вроде этого, и все публикации подвергнут цензуре, существование этих записей должно оставаться секретом так долго, насколько это возможно. Думаю, в такой ситуации трёх копий будет достаточно.

Другими словами, эта запись является письмом моим соотечественникам из следующих тысячелетий. {Прочитав этот документ, вы выясните наши истинные намерения, и ответ на вопрос «стоит ли ступать на новый путь» должен стать очевидным.}

Я так и не представилась.

Меня зовут Саки Ватанабе. Я родилась в городе Камису 66 10-го декабря 210 года.

Непосредственно перед моим рождением вид бамбука, цветущий раз в сотню лет, распустился. Снег выпал посреди лета, и все мечтали о том, чтобы перестать видеть нескончаемый поток дождевых капель. В середине лета произошли все возможные аномальные природные явления. И тогда, ночью 10-го декабря, когда люди думали, что земля погрузится во тьму, вспышка молнии осветила то, что позже назовут золотым драконом, плывущим в отчуждении среди облаков.

...правда в том, что ничего такого не было.

210 был обычным годом, и, как и каждый, рождённый в этом году в городе Камису 66, я была самым обычным ребёнком.

Но моя мать так не считала. Ей было уже больше тридцати, и она была убеждена, что не

родит. В наше время считалось, что в тридцать лет уже поздно было заводить ребёнка.

Более того, моя мать, Мизухо Ватанабе, занимала важный пост в библиотеке. Её решения не только влияли на будущее нашего города, но и в некоторых случаях могли привести к смертельному исходу. Необходимость выносить подобное давление ежедневно, а вместе с тем и беспокойство за свою беременность — это трудности, с которыми не каждому приходилось сталкиваться.

В тот же период мой отец, Такаши Сугиура, был мэром города. Это сама по себе была сложная работа. Но незадолго до моего рождения должность библиотекаря стала несравнимо более ответственной, чем должность мэра. Конечно, это и до сих пор так, но началось всё, возможно, именно тогда.

Шла середина встречи, посвящённой классификации недавно открытой коллекции книг, когда у моей матери начались схватки. До назначенной даты родов оставалась ещё неделя, и из-за неожиданности произошедшего её немедленно отправили в родильный дом на окраине города. Мой крик послышался не через десять минут после этого. К сожалению, пуповина была обмотана вокруг моей шеи. Моё лицо приобрело фиолетовый оттенок, и я была не способна нормально кричать. Новичок, принимавший роды, чуть не впал от этого в панику, но пуповина легко перерезалась и, наконец вдохнув, я испустила здоровый крик.

Двумя неделями позже в этом же родильном доме появилась на свет Мария Акизуки, ставшая впоследствии моей подругой. Она, как и я, родилась раньше назначенного срока, и шея её тоже была обмотана пуповиной. Но положение её было хуже моего, ведь она чуть не умерла при родах.

Принимающий роды, умудренный опытом с моего случая, воспринял ситуацию спокойно. Один лишь крошечный промах или задержка, Мария, несомненно, умерла бы.

Впервые услышав эту историю, я ликовала — ведь я косвенным образом спасла жизнь своей подруги. Но сейчас, стоит мне вспомнить об этом, меня захлёстывает волна сложных мыслей. Если бы она не рождалась, столько жизней было бы спасено...

Но позвольте вернуться к повествованию. Я провела своё счастливое детство в окружении пышной природы родного городка.

Камису 66 состоит из семи деревень, расстилающихся более чем на пятьдесят километров в объёме. Он отделён от остального мира Священным Барьером. Спустя тысячу лет, возможно, барьер не будет существовать, поэтому я вкратце объясню. Это толстая соломенная верёвка с бумажными заклинаниями, предотвращающими проникновение нечистых сил в город.

Детям не разрешается ступать за пределы барьера. Злые духи и монстры бродят снаружи, и ребёнок, решившийся нарушить правило и пойти туда один, будет ужасно страдать.

— Но какие ужасы там водятся на самом деле? — Помню, как-то, когда мне было около семи лет, я не всерьёз спросила об этом своего отца.

— Множество разных, — он оторвал взгляд от документов. Положив подбородок на руку, он нежно посмотрел на меня. Его тёплые карие глаза отпечатались в моей памяти. Он никогда не смотрел на меня строго и только один раз поднял на меня голос. Тогда я шла, невнимательно смотря на дорогу, и упала бы в яму, если бы отец не предупредил меня.

— Саки, ты уже знаешь, верно? Про страхощуров, котов-баюнов и взрыво-псов.

— Но мама говорит, что они выдуманные.

— Другие — быть может, но страхошурсы существуют, — он говорил так беспечно, что это удивило меня.

— Врёшь.

— Это не ложь. Мы в последнее время много страхошурсов привозили, чтобы они помогли на стройке.

— Но я никогда их не видела.

— Мы позаботились о том, чтобы дети не сталкивались с ними, — отец не пояснил причину, но я вообразила, будто они были слишком отвратительны, чтобы показываться на глаза.

— Но ведь люди говорят, что они не страшные.

Отец положил документы, которые он изучал, и поднял свою правую руку. Когда он начал петь что-то низким голосом, на преобразующейся бумаге появился некий штамп, словно вдруг стали видны невидимые чернила. Это был знак одобрения мэра.

— Саки, ты знаешь, что значит «ложное послушание»?

Я отрицательно покачала головой.

— Это значит подчиняться кому-то, на самом деле не соглашаясь с ним.

— Что ты имеешь в виду под «не соглашаясь с ним»?

— Обманывая и планируя его предать.

Моя челюсть отвисла.

— Таких людей не бывает.

— Ты права. Люди, обманывающие чужое доверие, не существуют. Но страхошурсы — не люди.

Вначале я почувствовала нотки страха.

— Страхошурсы молятся и поклоняются нам, потому что мы обладаем силой. Но мы не знаем, как они поведут себя рядом с детьми, чей дар ещё не пробудился. Поэтому мы не позволяем детям видеть их.

— Но разве чтобы работать им не нужно входить в город?

— В такие времена взрослые неотрывно наблюдают за ними, — отец поместил документы в подпиленную коробку и вновь поднял руку. Крышка слегка засветилась и слилась воедино с коробкой, превратив её в лакированный блок. Так как никто не знает, что именно представлял отец, используя свой дар, постороннему будет трудно открыть коробку, не разбив её.

— В любом случае, никогда не выходи за пределы Священного Барьера. Внутри тебя защищает его сила, но лишь один шаг наружу — ничей дар не сможет уберечь тебя.

— Но страхошурсы...

— Не только они. Ты уже изучала истории о Злых духах и духах Воздаяния в школе, верно?

Я затаила дыхание.

Истории о Злых духах и духах Воздаяния мы учили неоднократно в первые годы обучения. Они впечатались в наше подсознание. Даже после прочтения упрощённой детской версии нас посещали кошмары.

— Неужели Злой дух... и дух Воздаяния, и другие похожие на них вещи есть за Священным Барьером?

— Ах, хах, — отец мягко улыбнулся, чтобы успокоить меня.

— Это просто легенды, и сейчас их не существует...

— То, что их не видели последние сто и пятьдесят лет, — верно, но лучше быть готовым к неожиданному. Саки, ты ведь не хочешь вдруг встретить злого духа как тот мальчик, собирающий травы, верно?

Я молча кивнула.

Здесь я приведу обобщённые истории о Злом духе и духе Воздаяния. Однако, это не детская сказочная версия, а полная версия для взрослых, изучаемая в Академии Просвещения.

История о Злом духе

Эта история произошла около пятидесяти лет назад. Один мальчик собирал травы в горах. Поглощённый своим занятием, он подошёл к Священному Барьеру. Он сорвал почти все травы в пределах барьера, когда он вдруг поднял взгляд и увидел снаружи ещё множество трав.

Ему всегда наказывали ни за что не переступать за границу Священного Барьера. Если же по какой-то причине ему непременно нужно было выйти, он должен был позвать взрослых.

Но поблизости не было ни одного взрослого. Мальчик, соблазнившись, подумал, что выйти ненадолго будет нормально. Сначала он высунул голову. Теперь ему нужно было лишь пролезть под барьером, сорвать травы и сразу же вернуться. Всё будет хорошо.

Мальчик спокойно проскользнул под верёвкой. Бумажные заклинания всколыхнулись и зашелестели.

В этот же момент его внезапно посетило неприятное чувство. К вине за неповиновение взрослым примешалось ощущение тяжести, которое он никогда не испытывал прежде.

Заверив себя, что не происходило ничего неправильного, он добрался до трав.

И затем он увидел злого духа, идущего ему навстречу.

Хотя у него был тот же рост, что и у мальчика, своим появлением он внушал страх. Его злоба скрутилась в пламенный ореол, сжигающий всё вокруг себя. Надвигаясь, злой дух уничтожал всё на своём пути и заставлял листву полыхать пламенем.

Мальчик побледнел, но сдержал свой крик и отступил. Если бы он смог проскользнуть под

верёвкой, дух исчез бы.

Но ветвь под его ногой хрустнула.

Злой дух повернул свою голову; лицо его было лишено эмоций. Он смотрел на объект своего гнева.

Мальчик нырнул под верёвку и понёсся так быстро, как мог. Всё будет хорошо до тех пор, пока его оберегает барьер.

Но он оглянулся, и дух также пролез через верёвку!

В это же мгновение мальчик понял, что совершил нечто непоправимое. Он запустил злого духа внутрь барьера.

Сбегая вниз по гористой дороге, мальчик плакал. Дух неуклонно преследовал его.

Мальчик бежал вдоль края барьера к реке, что протекала в противоположной от поселения стороне.

Когда он оглянулся назад, лицо злого духа было скрыто за подлеском. Были видны только его пылающие глаза и искривлённый рот.

Злой дух искал дорогу к поселению.

Он не мог допустить этого. Если злой дух последует за ним, то вся деревня, возможно, будет разрушена.

Подлесок закончился, и перед ним появился отвесный склон. Рёв реки эхом отражался от стен ущелья, над которым висел новый висячий мост.

Мальчик не стал переходить мост. Вместо этого он направился вверх по течению вдоль края ущелья.

Когда мальчик обернулся, злой дух подошёл к мосту и оглядывался, пытаясь найти его.

Мальчик бежал уверенно.

Вскоре вдалеке показался другой мост.

Он приблизился к мосту, силуэт которого вырисовывался на фоне затянутого облаками неба. Изношенный временем, он устрашающе покачивался, будто зазывая его.

Мост мог упасть в любую секунду. Никто не пользовался им вот уже десять лет, и мальчика тоже предупреждали не делать этого.

Он начал медленно идти по мосту.

Верёвки издали тревожный, скрипящий звук. Доски, похоже, были сделаны из дуба, но выглядели так, будто готовы были сломаться в любой момент.

Когда он почти добрался до середины, мост неожиданно покачнулся. Обернувшись, он увидел, что злой дух тоже ступил на мост.

Мост колебался всё более дико, пока дух подбирался всё ближе.

Мальчик взглянул вниз, на дно впадины. Оно располагалось головокружительно далеко.

Он поднял взгляд. Злой дух был уже близко к нему.

Когда он мог уже ясно рассмотреть неприятное лицо духа, мальчик взмахнул серпом, который он нёс, и в одно движение перерезал верёвки, на которых держался мост.

Мост сорвался вниз, и мальчик практически соскользнул с него, но кое-как смог ухватиться за верёвку.

Упал ли злой дух на дно? Мальчик посмотрел. Злой дух тоже смог как-то уцепиться за верёвку и медленно поворачивал свой убийственный взгляд к нему.

Серп упал в ущелье. Больше он не мог резать верёвки.

Что он должен был делать? Он вознёс небесам молитву. Не важно, если я умру; прошу, не позволь злему духу пробраться в поселение.

Достигла ли его просьба небес? Или же верёвка просто не выдержала их веса?

Она треснула, низвергнув их на дно впадины. Мальчик со злым духом исчезли из виду.

С тех пор злые духи больше не появлялись.

Эта история преподаёт нам несколько уроков.

Дети могут с лёгкостью понять, что она учит их не выходить за пределы Священного Барьера. Те, кто постарше, возможно, могут разглядеть в ней попытку сказать нам, что мы должны больше волноваться о своём поселении, чем о самих себе, и быть готовыми пожертвовать своей жизнью ради него.

Но чем ты умнее, тем труднее становится понять истинную суть.

Кто бы мог подумать, что настоящая цель истории заключалась в том, чтобы дать нам знать о существовании Злых духов?

Рассказ о духе Воздаяния

Это история восьмидесятилетней давности. В поселении жил мальчик. Он был невероятно умным ребёнком, но имел один недостаток. Пока он рос, его изъясн становился всё более и более очевидным.

Он чрезвычайно гордился своим интеллектом и смотрел на всех остальных свысока.

Он притворялся, что обучается в школе и слушается взрослых, но важные уроки никогда не достигали его сердца.

Он начал глумиться над глупостью взрослых и насмехаться над законами мира.

Высокомерие сеет семя воздаяния. [1]

Постепенно мальчик отдалился от круга друзей. Одиночество стало его единственным спутником и соратником.

Одиночество — гряда воздаяния.

Уединившись, мальчик проводил много времени, думая. Он думал о запретных вещах и ставил под сомнение то, что лучше было оставить в покое.

Нечистые мысли служат причиной неконтролируемости воздаяния.

Мальчик бессознательно создавал всё больше и больше воздаяния, и превратился в нечто нечеловеческое — в духа Воздаяния.

Прежде, чем кто-либо узнал, поселение опустело; все сбежали, испугавшись духа Воздаяния. Он ушёл жить в лес, но все животные тоже исчезли оттуда.

Дух Воздаяния шёл, и растения вокруг него искажались и, приобретая самые невообразимые формы, сгнивали.

Еда, которой он касался, немедленно превращалась в смертельный яд.

Дух воздаяния бесцельно бродил по умершему, искажённому лесу.

В конечном счёте он понял, что не должен существовать на этом свете.

Дух Воздаяния вышел из лесной тьмы. Перед его глазами всё сплеталось в блестящем сиянии. Он добрался до озера, расположенного глубоко в горах.

Он вошёл в него, думая, что эта прозрачная вода обязательно очистит его от воздаяния.

Но окружающая его вода вместо этого потемнела и помрачнела, начиная обращаться ядом.

Дух Воздаяния не должен существовать в этом мире.

Поняв это, он тихо исчез на дне озера.

Мораль здесь более очевидна, нежели в истории о Злом духе.

Но это, конечно же, не значит, что мы поняли скрытую за ним суть. По крайней мере, до того дня, когда мы, пребывая в бесконечном отчаянии и печали, не увидели духа Воздаяния прямо перед своими глазами...

Простите, иногда, когда я пишу, на меня наплывают душаские воспоминания, которые я не могу контролировать. Давайте вернёмся к моему детству.

Как я уже писала, Камису 66 состоит из семи поселений. В центре собрана городская администрация. На восточном берегу Звучной реки расположено поселение Тюк Сена. Севернее, посреди леса, усеянного большими домами, — Трухлявое дерево. На восток от него лес переходит в прибрежные полосы, где находятся Белые пески. Рядом с Тюком Сена, на севере, — поселение Мельничного ручья. На другом берегу реки, к северо-западу, — поселение Широкого Обзора, название которого исходит из его расположения. Приравнявшееся к рисовым полям Самородное Золото на севере и самая западная Дубовая роща.

Моя родина — Мельничный ручей. Это наименование нуждается в небольшом пояснении. Десятки каналов ответвляются от Звучной реки и проходят через Камису 66, и люди входят и выходят на лодках. Несмотря на это, благодаря своему постоянному движению вода здесь была достаточно чистой, чтобы купаться в ней, но вы бы дважды подумали, прежде чем пить её. Прямо перед моим домом, в дополнение к плавающему здесь множеству ярких красно-белых карпов, тут было также много водяных мельниц, от которых и пошло название. Они были в каждом поселении, у нас же их было множество, и большинство из них было лишь для вида. Мельницы с подачей воды сверху, снизу, сбоку, спереди... И это только те, что я помню. А на деле их ещё больше. Многие из них использовались, дабы освободить нас от таких обыденных задач как промыть рис или перемолоть пшеницу.

Среди них были и водяные мельницы, которые можно было увидеть только в некоторых поселениях, с металлическими лезвиями для выработки электричества. Ценная энергия использовалась для громкоговорителей на крыше общественного зала. Задействовать электричество за его пределами строго запрещалось Моральными Устоями.

Каждый день сразу после заката громкоговорители проигрывали одну и ту же мелодию. Она называлась «Возвращение домой» и являлась частью симфонии, созданной очень, очень давно композитором со странным именем Дворжак. Её слова, которые мы изучали в школе, представляют собой нечто подобное: [2]

Иду домой, иду домой,

Я иду домой.

Тихий будто, я бегу,

Я пойду домой.

Дом не так уж далеко,

Под боком у Богов.

Работы нет, всё я отложу,

Больше горя нет.

Друзья вот здесь, ждут меня,

Так же, как и он.

Его улыбка, его ладонь,

Меня он поведёт.

Когда начиналась эта мелодия, все дети, играющие в полях, вынуждены были возвращаться домой. Поэтому, стоит мне услышать её, сами собой в моей голове всплывают закатные пейзажи. Сумеречный город. Длинные тени на песчаной почве соснового леса. Небеса, отражающиеся от ровных поверхностей затопленных полей, как от зеркал. Группы красных стрекоз. Но самые яркие воспоминания остались у меня от наблюдения заката с вершины

холма.

Когда я закрываю глаза, в сознании всплывает одна сцена. Лето недавно закончилось, начиналась осень, и погода становилась всё холоднее.

— Уже домой пора, — сказал кто-то.

Как следует прислушавшись, я услышала слабую мелодию, разносимую по округе ветром.

— Тогда пусть будет ничья, — сказал Сатору, и дети по двое или по трое вышли из своих укрытий.

Никому из нас не было меньше восьми или больше одиннадцати, и все мы провели весь день, играя в полномасштабную игру по захвату флага. Эта игра похожа на длительную борьбу в снежки посреди зимы, где вы делитесь на две команды, которые должны вторгнуться на территорию противника и захватить его флаг, тем самым выиграв битву. В тот день наша команда совершила огромную ошибку в самом начале, и похоже было, что мы проиграли.

— Это нечестно. Мы ведь почти выиграли, — Мария обиженно надулась. Кожа её была светлее, чем у кого бы то ни было, а глаза у неё были большие и ясные. Но больше всего её выделяли на общем фоне длинные, огненно-рыжие волосы.

— Скорее сдавайтесь уже.

— Ага, потому что мы играли лучше, — Рё присоединился к Марии. Даже в своём возрасте она была, словно королева.

— И почему мы должны сдаваться, — возмущённо ответила я.

— Потому что мы лучше, — Рё повторил тот же аргумент.

— Но вы ведь ещё даже не захватили наш флаг, — я посмотрела на Сатору.

— Ничья, — заявил он.

— Сатору, ты в нашей команде, не так ли? Почему ты на их стороне? — Мария резко оборвала его.

— Я не могу ничем вам помочь, по правилам, мы должны вернуться на закате.

— Но солнце ещё не село.

— Это потому что мы на вершине холма, верно? — сказала я, сдерживая раздражение. Хотя обычно мы хорошо ладили, в такие моменты Мария меня злила.

— Эй, нам правда нужно идти, — обеспокоенно сказала Рейко.

— Когда мы услышим «Возвращение домой», мы должны уходить в тот же момент.

— Мы пойдём, только когда они сдадутся, — Рё повторял за Марией, как попугай.

— Хватит уже. Эй, судья! — Сатору раздражённо обратился к Шуну. Он стоял отдельно от нас на вершине холма, пристально вглядываясь в пейзаж. Его бульдог Субару тихо сидел рядом с ним.

— Что? — ответил он немного погодя.

— Не «чтокай» тут мне. Скажи им, что у нас ничья.

— Да, ничья, — сказал Шун, вновь обратившись к закату.

— Тогда расходимся по домам, — сказала Рейко и их группа направилась вниз по холму, чтобы потом рассестись по лодкам и добраться до своих поселений.

— Погоди, мы ещё не закончили.

— Я уйду, или нас заберёт Кот-Баюн.

Мария выглядела недовольной, но игра постепенно подходила к своему концу.

— Саки, нам тоже надо возвращаться, — Сатору обратился ко мне, пока я подошла к Шуну.

— Ты не уходишь?

— Ага, — он не отрывал взгляда от гипнотизирующего пейзажа.

— Эй, пошли уже, — нетерпеливо сказал Сатору.

Шун молча указал куда-то.

— Вон там, видишь?

— Что?

Он показывал в сторону Самородного золота на границе между затопленными полями и лесом.

— Там, Белорог.

С самого раннего возраста нас учили, что нет ничего важнее наших глаз, поэтому все мы были наделены хорошим зрением. В тот раз я с расстояния в сто метров смогла различить на дорожке между полями, где сумерки пересекались с тенями, белые очертания чего-то, медленно идущего по тропинке.

— И правда.

— И что такого? Это не редкость, — в как обычно спокойном голосе Сатору по какой-то причине проскользнули нотки недовольства.

Но я не двигалась. Не хотела двигаться.

Белорог черепашью шагом прошёл по дорожке, пересёк луг и скрылся в лесу. Проследив за ним, я обратила внимание на Шуна.

Тогда я ещё не знала, как называлось испытываемое мной чувство. Когда я вставала рядом с ним и наблюдала за окрашенным в закатные цвета поселением, меня переполняли эмоции столь же приятные, сколь и болезненные.

Возможно, и эта сцена поддельна. Просто инсценировка, состряпанная из смеси похожих

моментов и приправленная слащавостью...

Даже так, и по сей день эти сцены имеют для меня особое значение. Заключительные воспоминания о жизни в безупречном мире. Время, когда всё было на своих местах, а в будущем не было сомнений.

И сейчас, думая о своей первой любви, я всё ещё чувствую тепло, словно от солнца на закате. Пусть оно совсем скоро растворится в бездонной пустоте, лишённой даже печали.

Примечания:

[1] — Переводчик на английский сообщает, что, хотя автор использовал иероглиф «воздаяние, карма, искупление», он определённо придавал ему значение «греха». Слово «воздаяние» в этой книге вообще имеет отрицательное значение, но «карма» сама по себе не имеет плохого или хорошего оттенка, а является просто апогеем действий, совершённых в прежней жизни.

[2] — Симфония № 9 ми минор «Из Нового Света», последнее творение чешского композитора Антонина Дворжака. Чуть позднее В. Фишер написал к ней слова и дал название «Возвращение домой».

Саму симфонию и её фрагмент со словами можно прослушать здесь:
https://vk.com/id237147469?w=wall237147469_1047%2Fall

<http://tl.rulate.ru/book/6101/111389>